

6. Мельников В.П., Нечипоренко В.С. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. Ч. I. М.: РАГС, 2000. 448 с.
7. Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти т. Т. 4. М.: Юрид. лит., 1986, 512 с.
8. Полное собрание законодательства Российской империи. Т. V. № 2871.
9. Щелетев В.И. История государственного управления в России. М.: Владос, 2003. 512 с.
10. Административно-правовые проблемы предупреждения коррупционной и организованной преступности // Государство и право. 2002. № 1. С. 103-116.
11. Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. С. 7-54.

Юрий Алексеевич ПОЛЕТУХИН —
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Челябинского юридического института МВД РФ,
кандидат исторических наук
black_diamond50@mail.ru

УДК 34.01

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В КОНЦЕПЦИЯХ КЛАССИКОВ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ XVII-XVIII веков

CORRUPTION COUNTERACTION IN THE CONCEPTS OF CLASSIC AUTHORS OF LEGAL THOUGHT IN XVII-XVIII CENTURIES

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются воззрения классиков правовой мысли, касающиеся борьбы с коррупцией. Они исходили из того, что личные эгоистические мотивы должностных лиц неизменны, но сама возможность злоупотреблений должна быть минимизирована. Законодатель должен сделать совершение подобных преступлений невыгодным.

SUMMARY. The article deals with the views of classic authors of the legal thought concerning the fight against corruption. They stated that personal egoistical motives of the officials are invariable, but the possibility of power abuse should be minimized. The legislator should make this kind of crimes disadvantageous.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Коррупция, природа человека, преступление и наказание.
KEY WORDS. Corruption, human nature, crime and punishment.

Проблема борьбы с коррупцией в современной России не является чем-то принципиально новым. Существует не только значительный исторический опыт деятельности в этой сфере, но и теоретические разработки принципов соответствующего законодательства, изложенные в работах выдающихся мыслителей прошлого. Особый интерес представляют труды периода буржуазных революций, поскольку именно тогда в связи с коммерциализацией всего уклада жизни особенно остро встала проблема злоупотребления властью, извлечения личной выгоды из своего должностного статуса.

Если суммировать существующие сегодня предложения относительно способов противостояния коррупции, то можно выделить два принципиальных направления деятельности для законодателя:

- Изменение мотивации должностного лица с целью исключить сами помыслы о злоупотреблениях. Условно говоря, «воспитание» должно быть главной

задачей. Ослабить эгоизм средствами социального, правового воздействия на человека.

- Апелляция к сугубо эгоистическим мотивам поведения человека с тем, чтобы он (неизменно думая о собственных интересах), в силу вероятных неблагоприятных для себя по закону последствий, воздерживался бы от наиболее опасных для общественного блага злоупотреблений своими полномочиями.

При всей условности такого деления целей закона (по своей сути сложного, многоцелевого феномена), представляется, что акцент необходимо делать на втором направлении работы. Именно к этому призывали наиболее выдающиеся мыслители Нового времени. Они исходили из того, что человеческая природа принципиально неизменна, эгоистична. В любой ситуации человек будет пытаться извлечь прежде всего выгоду для себя.

Англичанин Ф. Бэкон (1561-1626) стремление к пользе считал естественным: «Нет никого, кто делал бы зло ради него самого, но все творят его ради выгоды, или удовольствия, или чести, или тому подобного; почему же я должен сердиться на человека за то, что он любит себя больше, чем меня?» [1; 361].

Бэкон делает принципиальное замечание о том, что, принося пользу обществу, люди в большинстве случаев заботятся о собственных интересах. При этом он не дает готовых рецептов, каким образом индивидуальные и общественные интересы могут быть теснее увязаны в систему.

Последователь Бэкона Т. Гоббс (1588-1679) соотносит масштабы выгоды, извлекаемой из совершения преступления, с ущербом, следующим за наказанием: «Если ущерб, проистекающий из наказания, оказывается меньшим, чем благо от преступления, то это не наказание» [2; 326]. Иначе говоря, совершение преступления должно быть делом явно невыгодным при привлечении к ответственности. Неотвратимость наказания является необходимым, но недостаточным условием эффективности закона. Соответственно, можно сделать вывод, что потенциальные материальные потери для коррупционера должны быть наглядными, весомыми, заведомо превосходящими извлекаемую при злоупотреблении своим положением выгоду.

Извлечение прибыли из совершения преступления, видимо, процесс объективный. Но законодатель в состоянии существенно уменьшить привлекательность злоупотребления полномочиями.

Гоббс делает акцент на содержании законодательства, предостерегая от попыток постоянно увеличивать число законов «...потому что люди привыкли рассуждать о том, что они должны или не должны делать, считаясь скорее с естественным разумом, чем со знанием законов. Как же можно, чтобы там, где много законов, были бы в состоянии запомнить их и то, что они запрещают, раз это не запрещено разумом?» [3; 183]. Эта идея также представляется крайне актуальной, поскольку распространено мнение, что проблема коррупции может быть решена с помощью количественного роста законов. Апелляция Гоббса к «естественному разуму» означает, что законодателю нужно прислушиваться к мнению общества.

Гоббс далек от апологетики не только законодателей, но и судей: «Если судьи, смягченные дарами, благодарностью или даже милосердием не налагают заслуженные по закону наказания и таким образом вселяют в бесчестных надежду на безнаказанность, добрые граждане не будут защищены от убийц, грабителей и готовых на преступление плутов <...> ; тогда государство распадается и каждому возвращается право защищать себя самого по собственному

усмотрению» [3; 184-185]. Отметим, что в данном случае корыстные мотивы судьбы (дар, благодарность) чреваты распадом государства. «Плуты» же стоят в одном ряду с убийцами и грабителями.

Гоббс советует «верховным властителям» не только самим правильно осуществлять правосудие, но и «страхом наказания» добиваться «правосудности» судей [3; 185].

Иначе говоря, Гоббс прямо предостерегает от предоставления судьям полной независимости. Напротив, их полномочия он увязывает с реальной ответственностью. Сегодня же идея полной независимости судей весьма популярна.

Голландский мыслитель Б. Спиноза (1632-1677) также не полагается на моральные добродетели. Философ исходит из того, что человек, находящийся на вершине власти, будучи предоставлен сам себе, не сможет не поддаваться соблазнам, неизбежно возникающим при таком высоком статусе, какими бы высокими душевными качествами он не обладал изначально [4; 291].

Отсюда выводится неоднократно повторяемое Спинозой положение: лучшим способом организации общественных отношений является такой, при котором государство не зависит от чьей-либо совестливости.

Решение этой задачи крайне важно и предельно сложно. Голландский мыслитель говорит, что это кропотливая работа: «организовать правительство так, чтобы обману не оставалось никакого места, и притом еще установить все так, чтобы все, независимо от склада ума, предпочитали общественное право частным выгодам, это — работа, это — труд» [5; 200].

Таким образом, законодатели должны создать систему, при которой люди, оставаясь эгоистами в своих поступках, объективно приносили бы пользу обществу. Следует совершенствовать не столько самого человека, сколько законодательство, регулирующее его деятельность.

По мнению Спинозы «советниками нужно выбирать тех, чье личное состояние и польза зависят от общего благоденствия и мира» [4; 291]. Другими словами, должен быть установлен порядок, при котором такое совпадение существует объективно. Думается, что реализация этой принципиально правильно поставленной задачи требует огромных усилий в любом обществе.

Важнейшим шагом в этом направлении явилось бы полное реальное равенство всех без исключения перед законом. Спиноза полагает, что правители, так же и все остальные «должны быть сдерживаемы страхом наказания, направленного на личность или имущество» [4; 346]. Следует напомнить, что в условиях существования по большей части феодального строя в государствах Европы в XVII веке сословное неравенство в правах являлось нормой, а привилегии власть имущих рассматривались как неотъемлемые.

Спиноза считает необходимым установить систему взаимного контроля бюрократии. Он предлагает выделить специальную категорию чиновников (синдиков), которые будут судить других государственных чиновников по действующим законам. Личная выгода синдиков должна зависеть «от наибольшего радения об общем благе» [4; 324-325].

Это еще не система разделения властей, но уже попытка организации взаимного контроля людей, облеченных властью в интересах общества, пусть и изложенная в самой схематичной форме. Спиноза предлагает установить систему взаимного контроля внутри самой власти, что для той эпохи было еще одной радикальной идеей. В отличие от Бэкона и Гоббса он ставит вопрос не только о совершенствовании законодательства, но и об оптимальной организации самой государственной власти.

Французский мыслитель Монтескье (1689-1755) известен прежде всего как автор концепции разделения властей. Однако он писал и о факторах, определяющих эффективность законодательства в целом.

Монтескье исходит из того, что «всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела» [6; 289]. Другими словами, внутреннего такого «предела» у человека не существует, он должен быть внешним. Думается, что именно в этом заключается один из важнейших принципов борьбы с коррупцией.

Монтескье предостерегает от попыток единообразного решения проблемы эффективности полиции и уголовного суда, между которыми существует принципиальная разница: «Ведению полиции подлежат повседневные дела, касающиеся обыкновенно мелочей и не требующие формальностей. Она руководствуется больше распоряжениями, чем законами». Ответственность за недостатки работы полиции возлагается на соответствующее «начальство» [6; 589].

Речь идет о том, что в работе полиции существует масса повседневных ситуаций, которые не могут быть предусмотрены законодателем в полной мере. Проблема объема регламентации деятельности подобных структур остается не вполне решенной. Невозможно улучшить работу российской милиции исключительно путем мелочной регламентации ее деятельности.

Другая ситуация с законодательным регулированием судопроизводства. Монтескье прямо предлагает ограничить свободу действий судьи нормами права: «презумпция закона лучше презумпции человека». Решения, принимаемые судьей, должны определяться не его неясными умозаключениями», а постоянно установленными правилами [6; 553]. Представляется, что существенным шагом в этом направлении было бы расширенное, казуальное изложение преступлений и наказаний, с тем, чтобы минимизировать возможность произвольного выбора судьи высшего или низшего предела наказаний. Например, если в действующем УК РФ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью предусмотрена «вилка» лишения свободы «от пяти до пятнадцати лет» (ч. 4 ст. 111), то такая вариативность санкций является заведомо коррупциогенной.

Представляется, что судья не должен иметь права назначать наказание ниже установленного предела (ст. 64). Это снизит возможности для злоупотреблений и внешнего давления на судью. Примеров эффективности такой нормы права достаточно много. Таково требование современного канадского законодательства (следующее принципам англо-американской уголовной правовой системы), где, в частности, любое умышленное убийство безальтернативно влечет за собой пожизненное лишение свободы и где уровень убийств в 12 раз ниже, чем в России [7; 91].

Существует и пример подобного российского законодательства прошлого. По «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., судья не имел права назначить наказание ниже нижнего предела [8; 203]. Эта норма эффективно сдерживала преступность.

Американский политик и мыслитель Б. Франклин (1706-1790) писал, что с развитием всеобщей коммерциализации отношения купли-продажи становятся повсеместными.

Франклин отмечает, что по мере развития общества невозможно сохранить все традиционные нравственные ценности в полном объеме. «Улучшение нравов в одном направлении часто портит нравы в другом» [9; 560].

Развивая эту мысль, американский политик прослеживает развитие одной из важнейших тенденций современного общества, наглядно проявляющейся и

в постсоветской России. Суть ее в том, что денежные отношения проникают в любую сферу. «Совершенство торговли в том, что каждая вещь должна иметь свою цену» [11; 561].

Развитие этой тенденции приводит к тому, что отношения купли-продажи, денежный эквивалент самых разных вещей распространяются даже на те сферы жизни, которые формально находятся вне торговли: «Вещи, которые *boni mores* [добрые нравы] запрещают продавать, становятся ее предметом, и мало вещей, которые действительно *extra commercio* [вне коммерции]. Сама законодательная власть может оказаться *in commercio*» [9; 561]. Франклин отмечает, что чаще всего это происходит в больших странах и в их столицах. Очевидным представляется, что эти процессы вовлечения в коммерческий оборот самых различных сфер жизни общества стремительно развивались на постсоветском пространстве. В современной России не только законодательная, но и исполнительная власть, правоохранительные органы и государство в целом далеко не свободны от влияния сугубо коммерческих отношений. Президент РФ Д.А. Медведев особенно резко отозвался о практике фактической покупки людьми тех или иных должностей.

Единственным средством, способным противостоять сведению всех отношений в обществе исключительно к получению непосредственной выгоды, что неизбежно предполагает торговля, Франклин называет образование: «Только образование может [...] примирить бескорыстие с торговлей, что мы часто видим в людях, получивших широкое образование» [9; 562]. Однако есть основания усомниться в том, что «широкое образование» способно в полной мере решить эту проблему и сделать людей достаточно дальновидными, нацелить их на отдаленные перспективы. Это достижимо лишь для той части общества, которая не только способна на уровне интеллектуальных способностей усвоить соответствующие знания, но и изначально заинтересована в достижении определенных долгосрочных перспектив.

Представляется очевидным, что такие качества есть далеко не у каждого человека. И это обстоятельство должно быть обязательно учтено теми, кто создает нормативные акты.

Соотечественник Франклина, политик и мыслитель Т. Джефферсон (1743-1826) отличался в своих работах приверженностью идеалам эпохи Просвещения, оптимистичных в отношении моральных и интеллектуальных качеств человека. Однако в важнейших вопросах становления американских государственно-правовых институтов он занимал прагматические позиции.

Так, анализируя факторы, влияющие на профессиональную деятельность судей, Джефферсон утверждает, что «недостаточно назначать судьями честных людей. Мы знаем, как заинтересованность влияет на ум человека и как под этим влиянием деформируются его суждения» [10; 78]. Джефферсон также указывает, что на действиях судей неизбежно скажутся корпоративный дух и отсутствие ответственности. Поэтому достигнутая в то время в Америке независимость судей, которая обеспечивается, по его мнению, неоправданно усложненной процедурой снятия их с должности, оценивается им негативно. Он выступает за «реальный и беспристрастный контроль» за судьями, который, чтобы стать таковым, «должен осуществляться совместно властями штата и федеральными властями» [10; 78].

Таким образом, Джефферсон в данном случае прямо указывает на то, что сами по себе моральные качества судей никак не гарантируют объективности при принятии решений и поэтому должен быть создан механизм, предусматри-

вающий ответственность за принимаемые ими решения. Отметим, что в данном случае Джефферсон прямо призывает исключить полную независимость судей, не полагаясь на их честность.

К сожалению, проблемы современного российского правосудия подтверждают истинность мнения Джефферсона. Так, глава Конституционного суда РФ В. Зорькин в 2004 г. практически солидаризовался с общественным мнением, считающим суд неэффективным, несправедливым и коррумпированным [11].

Однако сознательное злоупотребление своей властью — не единственная проблема судей. Джефферсон считает, что даже при сохранении ими моральных добродетелей нет гарантии принятия оптимальных решений. Судья, облеченный властью, остается человеком, которому свойственно периодически принимать неправильные решения. Поэтому «ошибку с честными намерениями следует предотвращать там, где терпимость к ним наносит вред обществу» [10; 78].

Обобщая соображения выдающихся мыслителей прошлого относительно борьбы с коррупцией, можно сделать вывод, что нужно минимизировать саму возможность принятия произвольных решений должностными лицами. Мыслители были уверены в том, что эгоистические мотивы всегда будут преобладать в деятельности человека. Наказания должны быть такими, чтобы было невыгодным само совершение преступления при привлечении к ответственности. Лишь в этом случае есть шанс, что личные интересы будут работать на интересы общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические // Соч. в 2 тт. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1977. С. 349-478.
2. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. в 2 тт. Т. 2. М.: Мысль, 1964. С. 45-665.
3. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. Минск: АСТ, 2001. 304 с.
4. Спиноза Б. Политический трактат // Трактаты. М.: Мысль, 1998. С. 261-354.
5. Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Трактаты. М.: Мысль, 1998. С. 5-262.
6. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 159-734.
7. Ведерникова О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью в условиях современной западной демократии: канадская уголовно-правовая модель // Государство и право. 2004. № 6. С. 85-94.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Российское законодательство X-XX вв. в 9 томах. Т. 6. М.: Юрид. лит., 1988. С. 159-309.
9. Франклин В. Заметки по некоторым из предшествующих наблюдений, подробно показывающих влияние нравов на население // Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1956. С. 565-562.
10. Джефферсон Т. Автобиография // Заметки о штате Виргиния. Л.: Наука, 1990. С. 19-98.
11. Зорькин В.Д. Мздоимство в судах стало одним из самых мощных коррупционных рынков // Известия. 2004. 26 октября.